

© П. Д. СИМАШЕНКОВ, 2026

Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»
(Университет «МИР»), Россия

E-mail: pavel.simashenkov@yandex.ru

КОРРУПЦИЯ В РАКУРСЕ НЕГАТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Статья посвящена рассмотрению феномена коррупции в свете исторически сложившейся презумпции виновности бюрократов. Анализируются предпосылки формирования негативных социальных установок, выявляются тенденции, усугубляющие предвзятое отношение к антикоррупционным кампаниям. По мнению автора, совокупность предубеждений не только остро характеризует исследуемую проблему, но и во многом способна скорректировать антикоррупционную политику, повысив ее эффективность в плане превенции и профилактики.

Ключевые слова: коррупция, правосознание, предубеждения, преступность, социальные стереотипы, менеджеризм, презумпция.

Введение

Необходимость переосмысления антикоррупционной политики (успехи которой весьма неоднозначны [1]) обуславливает актуальность проблемы, поднимаемой для обсуждения в данной работе.

Больше года страна живет без Национального плана противодействия коррупции¹. Налицо кризис репрессивного креатива, истощенность импорта антикоррупционных практик. Рассуждая об этом, необходимо вспомнить, что коррупция в первую очередь — система социального взаимодействия, причем весьма устойчивая к наскокам любителей «прорывной штурмовщины». За этой, в общем-то, избитой истиной скрыт огромный потенциал «противодействия противодействию», обусловленный как высоким уровнем латентности, так и нарастающим безразличием электората к спорадическим хеппенингам, которые СМИ выдают за успехи борьбы. Конечно, можно и дальше, как в методичках [2] «по правильным ответам населению», требовать у недовольных конкретизации претензий и тем опровергать устоявшееся мнение, будто «повсюду сплошные

¹ Первый Национальный план противодействия вышел в 2008 г., когда термин «коррупция» официально ввели в юридический оборот, последний был рассчитан на 2021-2024 годы.

злоупотребления». С нашей точки зрения, вместо того чтобы предаваться восторгам «одоления беззащитных», следовало бы всерьез озаботиться вопросами формирования общественного мнения, рассматривая его как комплекс предубеждений: то, что подразумевается под термином «негативная социология» (ее фундамент — своеобразная отрицательная меритократия; «слишком человеческое» ожидание обстановки, где сгинет все, что современники считают недостойным).

Обратимся к пропедевтике такого подхода. Ключевое понятие — моральный дух, «настроения в обществе». Научная ценность доводов и выводов психологии в данном аспекте весьма спорна, а доподлинно охарактеризовать нравственно-эмоциональный фон методами сугубо позитивных наук едва ли представляется возможным, однако вполне по силам фиксация негативных моментов (здесь достоверность куда выше). Обобщения отталкиваются не от подсчета фактов, а от суммы стереотипов (иначе говоря, предубеждений) в связи с тем, что правда в данном контексте — не в событии, а в позиции его освещения. Следовательно, негативное правосознание оперирует качественными антихарактеристиками, которым тесны спекулятивные критерии. Предубеждение есть манифестация латентности (коррупции, национальной вражды и т.п.) Такое не может оцениваться количественно, как нельзя быть, например, на 72% психопатом либо на 35% недоверчивым человеком. Предвзятость — краеугольный камень нигилизма, прагматичного благодаря невзыскательности житейских постулатов («не верь — не бойся — не проси» и др.) и напрочь забытых ныне разновидностей презумпции как «партийная совесть», «большевистская прямота».

Тенденциозность можно расценивать и как способ дистанцироваться от довлеющей казенщины, признавая коррумпированными только политические институты. Предубеждения утешают сторонников личного не-участия в умножении общественного зла («все воруют, но я — нет»). Иногда из этого произрастает снобизм — позерство, не имеющее ничего общего с гражданской позицией. Наконец, не стоит путать предубеждения с предрассудками: последние не опираются на фундамент реальности и обусловлены скорее недомыслием, тогда как предубеждения суть плоды эмпирических обобщений и в чем-то схожи с народными приметам — с той лишь разницей, что приметы могут быть добрыми.

Цель настоящего исследования — анализ феномена коррупции с общественной точки зрения в виде предубеждения о презумпции виновности бюрократов. Задача — оценить антикорруп-

ционную политику с позиции «социологии предубеждений». Объектом исследования является коррупция как феномен, предметом исследования — действующий концепт противодействия ей.

Результаты исследования

Набор социальных презумпций как настройка классового чувства — важнейший инструмент создания картины реальности в период надвигающейся смуты (вспомним хотя бы черносотенцев или «сердитое нищенство» начала XX в.). Когда официальные названия не соответствуют понятийным, отрицание категорично и тем самым обещает хоть какую-то определенность. Предубеждения, будучи условными рефлексамии социального взаимодействия, накрепко вживляются в личное сознание, «тесно с ним связаны и непобедимы. Ни очевидность, ни рассудок не имеют влияния на них» [3]. Вырабатывается эмоциональный «портрет насущного дня» — негатив бытия, не поддающийся ни проявлению, ни ретуши. В условиях социальной атомизации расторможен инстинкт недоверия к чуж(д)ому, и предвзятость дает в итоге разность оценок одного и того же факта в странах «заведующих» и «завидующих», на которые разложилось общество (как говорится, у каждого «своя правда»).

Рассмотрим пример: профессор, «торгующий» дипломными проектами, оправдывая свой поступок, руководствуется доводом о том, что всякий труд (тем паче интеллектуальный) должен быть оплачен — следовательно, не зазорно за мзду способствовать получению неучами заветной «корочки». Теоретизация оплаченной услуги — красноречивое свидетельство того, насколько вообще ценится труд в конкретном государстве. Симптоматично, что интернет-комментаторы новостей «про коррупцию» зачастую проявляют сочувствие задержанным педагогам и врачам, начисто отказывая в этом чиновникам.

Коррупция — своеобразная форма защиты от диктата поставщика госуслуг, проявление коммерческой конкуренции, сплав экономики и политики, где корыстные амбиции принято обеспечивать средствами смежной области (политические — экономическими и наоборот). Прежде чиновники брали подношения за искушенность в процедурных вопросах. Сейчас, по нашему мнению, в коридорах власти засилье номенклатурщиков и недооценка (даже неприятие) честных профессионалов как личностей, имеющих и способных обосновать свое мнение, и сам факт их наличия усугубляет негативное отношение к управленцам. Показательны типичные формулировки в характеристиках кадрового резерва: знает повестку, уважаем элитами на всех уровнях, участвовал в мероприятиях, пользуется под-

держкой администрации. Отсюда можно сделать вывод: в цене лакейская сервильность (эвфемизм — корпоративная культура), и коррупционные комбинации строятся для поддержки некомпетентных чиновников на руководящих должностях. Чтобы удержаться на месте, сотрудники волей-неволей встраиваются в махинации, потому что добросовестная работа уже не гарантирует ни уважения, ни продвижения, ни элементарной стабильности. «Утрата доверия» (как повод уволить) не конкретизирует его источник, но на практике он ассоциирован с представителем нанимателя (хозяином, коему запрещено перечить). Описанная модель свойственна любой отрасли (коммерческой или нет — неважно).

Таким образом, современная коррупция стала мутацией гражданского общества, где базовый мотив — гипертрофированный частный интерес, эгоизм в угаре стремления к «успешному успеху». На фоне популистского пустословия всеми клятая коррупция остается единственным реальным (пусть и рискованным) шансом решения конкретной проблемы, ведь налогоплательщику, в сущности, достаточно лишь удовлетворения его нужд: такова пусть и простоватая, но здоровая потребительская логика.

Нерешенность проблем обывателю объясняют вмешательством всепроникающей коррупции, призывая вкупе с чиновниками принять участие в противодействии ей или хотя бы привычно «отнестись с пониманием» к ее отрицательным «успехам» (уже никого не удивляющим). Складывается парадоксальный консенсус антиожиданий власти и населения, где главный герой — нечистый на руку чиновник: эта участь ниспослана ему верхами, дабы наскоро назначить виновных в случаях напряженности между неприкосновенной элитой и озлобленными гражданами.

Вычисляя коррупционные риски, за основу обычно берут возможность гешефта и, соответственно, «лакомые» места в эшелонах власти. Забывая при этом, что коррупция — не только взятки и «врезки» в бюджетные потоки. До сих пор по-настоящему не исследована проблема забюрократченности. Она комплексная, здесь много от юридической техники и практики администрирования, это требует профессионального подхода, а не проектной продукции бесчисленных «департаментов государственных умопомрачений» [4]. Сложность в том, что количественных показателей забюрократченности не существует (сам термин априори оценочный). Следовательно, «разбюрократчивание» следует трактовать как директиву идеологическую: коррумпированность — понятие качественное и требует устранения, а не декоративной «минимизации».

Необходимо подчеркнуть: приоритетом антикоррупционной политики должны стать нравственная доминанта и кадровая конкретика. Волокита, высокомерие, хамство, нечуткость — все указывает на человеческий фактор, и это предупреждающий знак, в каком направлении следует чертить «дорожную карту» противодействия коррупции.

В плане строго правовом презумпция — признание невозможности побороть социальное зло средствами детального регулирования поведения, особенно запретами. По мнению П. Валери, порядок проистекает из уравнивания инстинктов идеалами [5]. Порядок есть режим экономии насилия, утверждал О. Конт [6]. По мнению автора настоящего исследования, нынешнее состояние можно уподобить анархии, так как формально дозированное законом насилие по факту ничем не ограниченное ни по времени, ни по интенсивности: практически любому может «прилететь» обвинение как минимум в экстремизме или дискредитации. Таким образом, упорядоченность отношений обеспечена единственно инстинктом самосохранения, а вовсе не правовой системой, которая отнюдь не исключает и властного произвола.

Если обычные люди и чиновники в чем-то едины, то исключительно в пренебрежении законами. Первые их знать не хотят, вторые если и знают кое-что, судят о праве исключительно с утилитарной точки зрения, предпочитая законности целесообразность. «Клиенто-ориентированный» обход процедур и регламентов считается проявлением гуманизма, а порой даже формой пассивного протеста. Подобная девиация в обыденном сознании не грозит даже моральным порицанием — скорее наоборот. Так выражается чисто русская дилемма законосообразности социального бытия: в соответствии с законом или в согласии с ним.

Социальный негативизм — одна из причин неопознанности «пророка» в отечестве своем, поскольку предубеждение мешает воспринять современника в качестве носителя значимых идей. По этой причине советскому опыту предпочитают заимствования наработок из «развитых стран». Думаем, низкая эффективность антикоррупционных мер во многом обусловлена неадаптированностью такого идеологического импорта к менталитету россиян. В доказательство — категорическая неприемлемость доносительства как «выражения общественной самопомощи». Нетерпимость к коррупции у нас проявляется не в содействии органам, а скорее в ненависти к врагам народа (где критерии враждебности — те самые социальные предубеждения).

Видимо, сообразно «парадигме услуг» полит-элита сама на потребу населению старательно лепит негативный образ бюрократа, время от времени выдавая «прогоревших» на антикоррупционный правед [7]. СМИ смакуют тему их благосостояния, но словно бы забывают освещать моменты системные: кто утвердил взяточника в должности, от кого шли подношения снизу и с кем делились наверху. В результате показная борьба приобретает черты метафизики, где каждый осужденный становится эдаким «сферическим коррупционером в вакууме». Отчетность, измеряемая количеством возбужденных дел, наглядно демонстрирует обывателю, что «воруют повсюду и все», ибо если на местном уровне творятся такие злоупотребления, то каковы они в масштабе региона или страны? Репортажи о громких задержаниях и показательных процессах не впечатляют уже и самых доверчивых. В негативном правосознании сенсационные развенчания в большей степени свидетельствуют об избирательности правоприменения и пренебрежении принципом неотвратимости наказания, коль скоро фигуранты коррупционных дел с такой легкостью заключают сделки со следствием [8], а взяточничество с 2018 г. часто стали переквалифицировать в покушение на мошенничество [9].

Современная коррупция раздражает массы не тем, что «чинуши жируют» (это, похоже, неискоренимо), а их фактической безнаказанностью. Тенденция обусловлена еще и тем, что развитие информационных технологий во многом упрощает процесс совершения преступлений [10]. Звучит странно, но цифрозойская коррупция заметно «тупеет». Поколения сменяются, и управленческие структуры наполняются зумерами, взыскующими лайтовых стартапов и органически не способными на любую (в т. ч. коррупционную) инноватику. Основные модели и схемы знакомы даже несведущим «простым гражданам», а если известны симптоматика, этиология и патогенез, почему не прописано «адекватное лечение»? Уже давно разработаны детальные методики раскрытия и расследования должностных преступлений. Казалось бы, сложившаяся ситуация на руку правоохранителям — и возникает резонный вопрос: «Отчего их работа в данном направлении скорее стихийна, нежели системна?».

Заключение

Предубеждения — не только основа негативного правосознания, они же составляют фундамент социальных ожиданий. Как и в болезненной мигрантской проблеме, обвинение одного стигматизирует всех, делая причастными к социальному злу: так бытовое пре-

дубеждение (вызванное, в т. ч. инфопотоком шумных разоблачений) обретает статус социальной преюдиции. Следовательно, взаимное недоверие граждан и власти более чем ожидаемо. Целью последней является исключительно самосохранение, в т. ч. путем «антикоррупционного» самооправдания. А официальный курс, по нашему мнению, наводит на мысль о том, что собственно борьба и есть самоцель: соответственно, никаких попыток наладить работу после зачистки от очередного коррупционера. Часто назначение нового шефа сразу инициирует реплику коррупционной схемы, но уже с его клеветами. Итог пертурбации — смена правящих кланов — никак не оздоравливает ни моральный климат в коллективах (там опасаются эксцессов «новой метлы»), ни ситуацию с предоставлением государственных услуг (где прочно окопался формализм). Рандомное извлечение из пазла крошечных фрагментов не нарушает целостность восприятия картины. Вряд ли подобный расклад обескуражит антикоррупционных фарисеев, для которых нерадивость чиновников — неисчерпаемый ресурс распространения сплетен, именуемых разоблачительным контентом.

Подведем итоги. Сложившийся стереотип правового негативизма самодостаточен и живет собственной жизнью, безотносительно к пропаганде как провластной, так и типа-оппозиционной. В противостоянии социальному злу жизненно важно «признание народной правды и смирение перед нею» [11]. Роковая сила предвзятости опасна еще и потому, что негативное правосознание как образ естественного «хода вещей» делает потенциальное реальным, создает идейную почву для конфронтации. Получается, коррупция есть материя власти, данная нам в предубеждениях — и с таким положением дел опасно не считаться.

Литература

1. Генпрокуратура сообщила о росте коррупционных преступлений на 24% // Коммерсантъ. 16.06.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7798411>.
2. Министерство доверия. Как государству общаться с гражданами. М.: Фонтеграфика, 2023. 240 с.
3. Гете И.-В. Собрание сочинений в переводах русских писателей / Под редакцией Н. В. Гербеля. СПб.: «Н. В. Гербель», 1878–1880. Т. 9. 702 с.
4. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом), [редкол.: С. А. Макашин (гл. ред.) и др.] М.: Художественная литература, 1965–1977. Т. 16. 602 с.
5. Валери П. Эстетическая бесконечность. М.: Азбука-классика. 2021. 480 с.

6. Конт О. Дух позитивной философии. Пер. с фр. И. А. Шапиро, с предисл. проф. М. Ковалевского. СПб.: Вестник знания (В. В. Битнера), 1910. 176 с.

7. Экс-чиновника Минобороны обвинили в получении многомиллионных взяток // Лента.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2026/01/29/eks-chinovnika-minoborony-obvinili-vo-vzyatkah-na-desyatki-millionov-rublej/>.

8. Министр транспорта Кубани вышел из СИЗО после сделки со следствием // Лента.ру [Электронный ресурс] <https://lenta.ru/news/2026/01/28/ministr-raskryl-milliardnye-shemy-v-rossiyskom-regione/>.

9. Симашенков П. Д. Антикоррупционный форс-мажор на государственной службе // Кадровик. 2019. № 3. С. 35–44.

10. Иванов П. И. К вопросу о личности «цифрового преступника» // Философия права. 2024. № 3(110). С. 128–135.

11. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом), [редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др.] М.: Наука, 1978–2014. Т. 20. 590с.

*Статья поступила в редакцию 28.02.26 г.
Рекомендуется к опубликованию членом Экспертного совета
канд. социол. наук, доцентом Т. П. Карповой*